

С.В. Жилияков
S.V. Zhilyakov

ЛИРИЧЕСКИЙ ЖАНР «О ДЕТСТВЕ ГЕРОЯ»: МНЕМОНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И АТТРИБУТЫ

LYRICAL GENRE "ABOUT THE HERO'S CHILDHOOD": MNEMONIC STRUCTURE AND POETIC ATTRIBUTES

В статье исследуется лирический жанр «о детстве героя». Необходимость обоснования его теоретической природы назрела давно, хотя бы по причине малой изученности. Второй, фактологической, причиной более пристального к нему внимания служит понимание того, что даже несмотря на отсутствие сколько-нибудь определенного места в жанровом тезаурусе, «о детстве героя» обладает всеми очевидными признаками жанра как отдельного и вместе с тем целостного высказывания, имеющего свое мироотношение, конкретную идейно-тематическую направленность, характерный для него хронотоп, субъективный способ организация лирической речи и проч. В ходе исследования на примерах стихотворений русской литературы выясняется, что появление изучаемого жанра генетически обязано стихотворному «воспоминанию», автобиографии, элегии, а также идиллии – литературным формам, объединенным мнемонической рефлексией и в разных формах и модификациях входящих в состав и принимающих участие в его строении. К внешним же обуславливающим возникновение жанра факторам следует отнести те социально-культурные и мировоззренческие изменения, сложившиеся в XVIII веке, которые послужили стимулом к обособлению мира детства в столь же самостоятельный феномен, как и иные сферы жизнедеятельности человека. Обозначенные условия существования и причины появления жанрового стихотворения «о детстве героя» способствовали возникновению некоторых отличительных и присущих только ему следующих признаков, наличие которых позволяет идентифицировать его. Во-первых, лирическая структура содержит мотивы вышеуказанных жанров, среди которых присутствие на постоянной основе имеет «воспоминание» и автобиография в силу специфики их фундаментального значения для ретроспективной рефлексии. Во-вторых, образная система и ее изобразительная ипостась выражается преимущественно вегетативными компонентами с характерными для них смыслами обновления, рождения и возникновения, что в свою очередь коррелируется с жанровой темой. Также нередко используется поэтикой стихотворения стихия света и ее дериваты, аллюзии на космогонические сюжеты, настраивающие воспринимающее сознание на соответствующую натальную установку. Кроме того, идиллическая обстановка, ностальгическое настроение лирического героя, организация согласованного с этим эмоциональным фоном хронотопа располагают к исполнению жанрового задания в позитивном ключе, а звуковые и синтаксические повторы выполняют задачу представления стремительно изменяющейся

динамики рецепции мира детским сознанием, на имманентно-мнемоническом уровне словно имитируют поступательно-реверсивное движение ребенка в направлении появления на свет.

Ключевые слова: стихотворное «воспоминание», жанровый мотив, поэтика, идиллия, элегия, хронотоп, рождение, вегетативные образы.

The article explores the lyrical genre "about the childhood of the hero". The need to substantiate its theoretical nature has been overdue for a long time, at least because of the little study. The second, factual, reason for paying closer attention to it is the understanding that even despite the absence of any definite place in the genre thesaurus, "about the childhood of the hero" has all the obvious signs of the genre as a separate and at the same time integral utterance, having its own attitude to the world, a specific ideological and thematic orientation characteristic of it chronotope, a subjective way of organizing lyrical speech, etc. In the course of the study, using the examples of poems of Russian literature, it turns out that the appearance of the genre under study is genetically due to the poetic "memory", autobiography, elegy, as well as idyll – literary forms united by mnemonic reflection and in various forms and modifications included in and participating in its structure. The external factors that determine the emergence of the genre should include those socio-cultural and ideological changes that developed in the XVIII century, which served as an incentive to isolate the world of childhood into an equally independent phenomenon, as well as other spheres of human activity. The indicated conditions of existence and the reasons for the appearance of the genre poem "about the childhood of the hero" contributed to the emergence of some distinctive and unique features of the following, the presence of which makes it possible to identify him. Firstly, the lyrical structure contains motifs of the above genres, among which the presence on a permanent basis has a "memory" and an autobiography due to the specifics of their fundamental importance for retrospective reflection. Secondly, the figurative system and its pictorial hypostasis are expressed mainly by vegetative components with their characteristic meanings of renewal, birth and emergence, which in turn correlates with the genre theme. Also, the poetics of the poem often uses the element of light and its derivatives, allusions to cosmogonic plots that tune the perceiving consciousness to the appropriate natal setting. In addition, the idyllic setting, the nostalgic mood of the lyrical hero, the organization of the chronotope coordinated with this emotional background have a positive attitude to the performance of the genre task, and sound and syntactic repetitions perform the task of representing the rapidly changing dynamics of the reception of the world by the child's consciousness, at the immanent-mnemonic level, as if imitating the progressive-reversible movement of the child in the direction of birth.

Key words: poetic "memory", genre motif, poetics, idyll, elegy, chronotope, birth, vegetative images.

DOI: 10.24888/2079-2638-2023-58-3-22-29

Феномен детства начинает пристально изучаться в науке только во второй половине XVIII века [1], [14]. На наш взгляд, этому способствовали два фактора: сама эпоха Просвещения, занимавшая практически весь XVIII в. и акцентирующая первоочередное внимание на продвижении идей осмысления человеком заложенных в нем природой разумных законов существования и следования им, а также сентиментализм с его чувственной эмпатией в отношении окружающего мира. Именно в то время детство начало осознаваться как самодостаточный феномен, а уже в начале XX века оно было удостоено целенаправленного изучения на самом высоком уровне – философско-педагогическом

[11, т. 1], антропологическом [7]. Показателем этого является то, что, например, в России, в первое десятилетие прошлого века выходят периодические научные издания, в которых публикуются актуальные на тот момент работы на детскую тему («Пчелка: журнал для детей младшего возраста», «Тропинка: журнал для детей» и др.). Художественная литература осваивает сферу детства в период с конца XVIII – начала XIX века. Одним из первых произведений, посвященных детской теме, является сентиментальный роман «Рыцарь нашего времени» Н.М. Карамзина, опубликованный в самом начале века, в 1802–1803. Не отстает в этом тематическом направлении лирика, первые ее опыты уже появляются в последней трети XVIII века (к примеру, известный одический генетлиакон Г.Р. Державина «На рождение в Севере порфирородного отрока», 1779).

По мере разработки темы детства она приобретает жанровый характер и постепенно формирует и объединяет поэтологические признаки, маркирующие своеобразие лирического жанра «о детстве героя».

Тема детства основана на воспоминаниях, которым свойственна произвольность и наивная естественность в выражении чувств. В стихотворениях «о детстве героя» художественная рефлексия воспоминания регулирует постоянство образной системы, служащей исходной предпосылкой к герменевтическому «предпониманию» (Х.-Г. Гадамер), которое помогает выявлять первичный художественный «горизонт смыслов», служащий связующей нитью конвенции между автором и читателем.

Так, первое, кроме образности, что входит в этот «горизонт смыслов», – номинация стихотворения. Уже этим «Воспоминание о детстве» И.С. Никитина выдает принадлежность к жанру. При первоначальном прочтении текстовая (структурно-образная) организация удостоверяет, что мотив детства вплетен в ткань стихотворного «воспоминания», присутствует в нем. Отраженная в тексте произведения жанровая «концепция» лирического «я» согласуется с действительностью сменой точек зрения – «на дом», «внутри дома», «из дома» и т.д.

После вводного двустушия («Однообразно и печально / Шли годы детства моего» [9, 55]) с преобладающей элегической тональностью, начинается собственно стихотворное «воспоминание» с присущими ему атрибутами – образом дома, «околодомовым» и внутридомовым хронотопами: «Я помню дом наш деревянный, / Кусты сирени вкруг него...» [9, 55].

Стихотворение было бы всего лишь лирическим «воспоминанием», если бы не те образы и атрибутированные им качества, которые предпосылают ему семиотическую новизну, обозначенную вегетативным окружением, ассоциативно связанным с темой рождения/детства. Они, эти образы, рассыпаны повсюду, о них с небывалым выпрненным чувством говорит лирический герой:

С каким восторгом я встречал
Час утра¹ летнего порою,
Когда над сонною землею
Восток безоблачный пылал
И золотистыми волнами,
Под дуновеньем ветерка,
Над полосатыми полями
Паров вставали облака!» [9, 55].

Очевидно, восторженному *поднятию* духа вторит *пробуждение* («вставание») космоса и природы:

¹ Во всех текстах курсив мой. – С.Ж.

С какой-то тайною отрадой
Глядел я на *лазурь небес*,
На даль туманную и лес
С его приветливой прохладой,
На цепь *курганов и холмов*,
На блеск и тень волнистой нивы...» [9, 55].

Преображение окружающего мира согласуется с внутренним духовным рождением и расширением пространства, обусловленным физическим ростом, которые дарит воспоминание. Состояние возрастания души и натально-вегетативного осмысления, коррелирующих между собой, вероятно, в совместном гармоническом сочетании вскрывают потаенный в недрах стихотворения психологический параллелизм, который в прошлые времена, видимо, ощущался естественнее. Чтобы понять это, приведем упоминаемое произведение Г.Р. Державина «Стихи на рождение в Севере порфиородного отрока», «задним числом» посвященное появлению на свет будущего императора Александра I. Итак, рождению, ассоциируемому с наступлением весны, придается значение, достойное сакрального акта:²

Родился, – и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Ондохнул, – и зиму люту
Удалил Зефир с полей;
Он возрел, – и солнце красно
Обратилось к весне <...>
Я увидел в восхищеньи
Растворен судеб чертог;
И подумал в изумленье:
«Знать, родился некий бог» [6, 26–27].

Вегетативная семантика величия как возрастания достигает своего апогея в конце произведения, выражаясь гимническими эмфазами: «Возрастай, дитя прекрасно! / Возрастай, наш полубог!» [6, 27]. В этих стихах нетрудно заметить уподобление главного объекта оды античным героям, которые имели такую же полубожественную природу.

Вернемся к «Воспоминанию о детстве» Никитина. Смена радостных мечтательных вдохновений осенними элегическими красками («Зато как скучен я бывал, / Когда сырой туман осенний...» [9, 56]) влечет за собой общую метаморфозу: «верхний» мир, описанный до этого мажорным стилем, сужается до пределов дома, восторг, исторгшийся из души героя, нисходит тоской в глубины «я». В соответствии с этим параллельно сужается хронотоп. Расширение от дома до бескрайних полей в обратном направлении коллапсирует до пределов семейного очага, куда герой с элегической грустью отдаляется от людского шума, примеривая на себе маску анахорета: «В ту пору, *скукою томимый*, / *От шума* их я уходил / И ночь за книгою любимой, / Забытый всеми проводил...» [9, 56]. Следовательно, в жанровом аспекте стихотворение «о детстве героя» выступает в производной функции от «воспоминания», связанного генетически с элегией. Эта генетическая связь особенно отображается в произведении на уровне заключительного мотива.

Временной пласт осмысления прошлого актуализируется в большей степени, чем пространственный, в следующем стихотворении этого же поэта «Я помню счастливые годы...». Его характерной особенностью является то, что оно представляет собой римейк

² Очевидно, в оде нарочито выпячены элементы, придающие священство рожденному герою, сравниваемому с богом, известные с античных времен.

«Воспоминания о детстве». Узнаваемые строки с образами пробужденной и обновленной природы со специально подчеркнутыми анафорами: «С каким *восторгом* непонятым / Тогда час утра я встречал...»; «С какою *детскою отрадой* / Глядел я на кудрявый лес...» [9, 86] восстанавливают в памяти авторский прецедент, к которому, однако, добавляются новые смысловые горизонты. Вторая половина стихотворения представляет собой элегическую ревизию прошлого с его «ничтожностью прожитых годов» с вкрапленным в нее мотивом «антипамятника»: «Но дни идут, идут бесплодно... / И больно мне, что и теперь...»; «Как весь итог существования, / Я ничего не передам, // И одинокий, без значенья, / Как лишний гость в пиру чужом, / Ничтожной *жертвою забвенья* / Умру в краю моем родном» [9, 87–88].

Элегический конструкт, с одной стороны, возвращает лирическое «я» к экзистенциальной грусти от одиночества – один из программных мотивов жанра, а с другой, даже на уровне контраста с прошлым способствует продлению воспоминания о детстве, реанимируя его романтику. Само по себе использование «римейкового» варианта расширяет границы жанра, организованного как текст в тексте, способствуя пролонгированию мнемонического задания с помощью памяти ранее используемого жанра, а также универсального мотива стихотворного «памятника», репрезентированного в апофатической манере.

В 1858 году, незадолго до смерти Никитина, в стихотворении «Детство веселое, детские грезы...» жанр «о детстве героя» звучит на новом, аутентичном уровне. Поэт избавляется от элегии, теперь его воспоминания инкрустируются сказочными мотивами, характерными для детского сознания, расширяющими художественный хронотоп. Вторая строфа образует единый рефлексивно-тематический комплекс, обусловленный жанровой вставкой видения, оно переносит субъекта речи из внутреннего убранства дома в пространство сказочного леса: «Прогнали сон мой рассказы старушки. / Вот я в лесу у порога *избушки...*» [9, 232]. Лирическое мироотношение в этой структурной части произведения складывается из переживаний, по-детски наивных, вызванных восприятием прочитанными няней сказок: «*Змей подлетает*, огонь рассыпая. / *Замер лес темный*, ни свиста, ни шума, / Смотрят деревья угрюмо, угрюмо! / Сердце мое замирает-дрожит...» [9, 232]. Лирическое «я» здесь трансформируется в лирического героя, который «моделирует <...> всегда некий комплекс представлений о человеке» [4, 5], практически сливается с ним. Мнемоническое восприятие стихотворения усиливается не только с помощью текстовой и контекстуальной рефлексии воспоминания и заключительного рефренного стиха, будто воспроизводящего в памяти колыбельную («Зимняя выюга шумит и гудит...»), а в большей степени тем, что в финале произведения произносится поминальное слово (реквием) по навсегда ушедшему детству: «*Вечная память*, веселое время! / Грудь мою давит тяжелое бремя...» [9, 56].

Таким образом, воспоминание, являясь жанровым субститутотом «о детстве героя», воспроизводит в нем мотивы элегии, с которым оно связано генетически, тем самым продлевает и задерживает в настоящем мнемоническую рефлексию. Кроме того, вегетативная образность вступает в ассоциативные связи, восстанавливая древние метафорические взаимоотношения с актом рождения [15, 74–77], семантический рудимент которых и присутствует в образах стихотворений «о детстве героя». Растительной образной семантике вторит расширяющийся в вертикальном и горизонтальном направлениях хронотоп, добавляющий свой смысловой оттенок в мироощущение детского стремления к постоянному росту.

Если даже в жанровом стихотворении не обнаруживаются вегетативные образы, то идиллика, обусловленная эмоциональным состоянием лирического «я», погруженного в ранние годы, способствует реализации произведения в нужном художественном ключе, сохраняет однозначную конвенцию между автором и читателем. Без предварительной подготовки, конституируемой, как правило, вводным мотивом «воспоминания» (хотя он и обозначен архетипическим образом «дома родного» во второй строке), образующим, как в

предыдущих примерах, композиционное обрамление, лирический субъект (визионер) хрестоматийного стихотворения «Детство» И.З. Сурикова переносится сразу в ситуацию детских забав: «Вот качусь я в санках / По горе крутой; // Вот свернули санки...» [12, т. 2, 542]. Повествование о детском времяпрепровождении переносится с улицы в «ветхую избу». Описание ее внутреннего убранства, рассказ о членах семьи, их занятиях во время зимних вечеров составляет стройный лирический сюжет стихотворного «воспоминания» и часто примыкающего к нему идиллического концепта. В произведении используются характерные мировоззренческие элементы «мира детства»: сказки, сны (в данном тексте сон представлен жанровой вставкой), языковые клише (уменьшительно-ласкательная лексика: *друзья-мальчишки, солнышко, шубенка* и т.д.), интонационные восклицания; они же и служат в качестве дополнительных средств и атрибутов формирования жанровой матрицы, идентифицирующих стихотворение «о детстве героя». Резюмирующая апология детству звучит в самом конце: «*Весело текли вы, / Детские года! / Вас не омрачали / Горе и беда*» [12, т. 2, 542].

Связь космогенеза с рождением героя, известная с древних времен [15, 77–78], показывается на новом, как это и положено неомифологизму символистов, уровне в творчестве К.Д. Бальмонта. Поддаваясь влиянию солярной мифологии, поэт выстраивает согласованный с нею в аспекте несомой вегетации мирообраз, создает тем самым «новаторский символистский миф о мире и человеке» [10, 66]. В частности, в стихотворении «Детство» Бальмонта новаторским выглядит мифопоэтический эклектизм, сочетающий аллюзию на происхождение вселенной по «велению» слова (иудео-христианская традиция) и сам акт творения, обусловленный космогоническими представлениями (языческий солярный культ и связанный с ним близнечный мифологический комплекс): «Сразу – *Солнце и Луна, / Звезды и цветы. / Вся Вселенная видна, / Нет в ней темноты*» [2]. При этом, что очень важно, концептуальный акт творения/рождения есть результат наивного детского сознания, наполненного радужными впечатлениями, входящими в контекст космического хронотопа – предикациями натального мирообраза.

Описание картины природы в «Детстве» И.А. Бунина перекликается с ее рецепцией в стихотворениях Никитина: растительный мир наполнен светлыми красками от утреннего пробуждения мира, уподобляемого появлению (рождению) на свет ребенка с проникновенным ощущением радости от встречи с новым миром: «И весело мне было *поутру / Бродить по этим солнечным палатам // Повсюду блеск, повсюду яркий свет, / Песок – как шелк...*» [3, т. 1, 177]. Положительное впечатление усиливается от употребления анафор (*повсюду*), звукоповторов (п – с – к – е – л – в), анаграмматически образующих слово «всплеск». Образ Мирового древа тонко подмечен поэтом в изображении сосны, отличающейся мощью и необыкновенным величием, оттого словно поднимающей лирического героя: «...Прильну к сосне корявой»; «А *ствол – гигант, тяжелый, величавый*» [3, т. 1, 177]. Она, как и все окружающее пространство, проникнута световой стихией – признаком «катафатичности» бытия, конвергированного с идиллическим мироотношением.

С несколько другой стороны к вегетативной семантике подходит Н.С. Гумилев в одноименном стихотворении «Детство»: лирический герой признается в дружбе с растениями с самого раннего возраста: «*Я ребенком любил большие, / Медом пахнущие луга, / Перелески, травы сухие...*» [5, т. 1, 210], намекая тем самым на мнемоническое воспроизведение мифа об Орфее, понимающего язык представителей Флоры и Фауны («Каждый пыльный куст придорожный / Мне кричал...» [5, т. 1, 210]). В этой концептуальной установке сочетается программное задание акмеизма по созданию нового Адама и жанровая тема с центральным мирообразом рождения. Вдобавок такой автобиографический подход восходит к древним магическим представлениям о жизни и страданиях («И я верил, что *умру // Не один – с моими друзьями*») культурных растений [13, 225], вложенным впоследствии в христианский жанровый аналог (житие) и отражающим, вероятно, миф о культурном герое. В обоих случаях механизм мнемонизации

заключается в регенерации прецедентных текстов и сюжетов, образов и идей, обусловленных темой роста (вегетации), претерпевающих метаморфозы под воздействием индивидуально-авторского исполнения. На постоянной основе здесь используются идиллический мотив блаженства человека («Сердце билось еще *блаженней...*»), находящегося в окружении «природного» рая, мотив, вплетенный в автобиографический контекст воспоминания, в вегетативную систему образов.

Лирический диптих «Детство» В.И. Нарбута, в состав которого входят стихотворения «Вначале» и «Вербная суббота», наполнен образами из домашнего окружения, которые под воздействием детского взгляда приобретают причудливые очертания вырванных из контекста реалий: бабушка, церковь и т.д. Иногда ритм произведений имитирует колыбельную песню с присущими ей звукоповторами, создающими в свою очередь поле мнемонического круговорота смысла («Все мы родом из детства» А. Экзюпери): «*Мохнатые махнули махаоны / и ситчиком перемахнули чрез...*» [8, 229]; «*И черногузово гнездо на дубе*» [8, 230]; «*Но, оскомину искомав...*»; «*месяц, мешковата...*» [8, 231]. Взгляд лирического «я» задерживается на образах сада, дома, которые предстают в сказочной ауре, отражающей симптоматичное состояние детской психики: «*Ликуя, молния на деревянный / отцовский домик возложила нимб*» [8, 230]. При этом, очевидно, что преобладающее значение имеют образы, обусловленные вегетативной семантикой, а также связанные с ней архетипы: «*Чего в бурьян...*»; «*яблоко...*»; «*Вербой скользкой...*» [8, 230]. Создается впечатление, что стихотворения представляют собой хаотичный и неразмеренный, свойственный для неуравновешенного эмоционального восприятия мира ребенком поток образов, погруженных в воспоминание.

Отметим, что в первом стихотворении «Вначале» воспроизводится народный миф о рождении, все им пронизано, включая образную систему: «аист», «плод», «душенька», «голоое дитятя-индюша». На лирическое «я», воспоминающее свое появление на свет, как бы накатывает череда хаотичных образов, представляющих такую же разрозненную цепь событий, однако слитых в единый поток метаморфоз: «*Вернулась, душенька и восвосях / пупырышками тело поросло, / и ухо перелило бреды пасек / в кота мурлыкающее мурло...*» [8, 229]. При всей такой образной неразберихе, рождение все же сакрализуется, освящаясь «сверху»: «*Ликуя, молния на деревянный / отцовский домик возложила нимб*» [8, 230], обрастает вегетативными деталями: «*Завязан плод был...*»; «*И черногузово гнездо на дубе*» [8, 230], вызывающими дополнительные ассоциации с процессом эмбрионального созревания. Сам канун Пасхи обретает в данном контексте символический смысл вечного и непреходящего рождения во втором стихотворении «Вербная суббота». В нем растительная семантика и ее окружение: образ дома, матери, школы – все интегрируется в единое смысловое поле, сконцентрированное вокруг натальной темы: «*Вербой скользкой...*»; «*да звезду клюет луна-курчонок, / вылупившийся из скорлупы*»; «*Как у матери в страданьях...*» [8, 230].

Таким образом, при всей разнице репрезентированных вариантов стихотворного жанра «о детстве героя» можно говорить об определенном постоянстве использования атрибутов. Во-первых, мнемоническая структура произведения определяется константным местонахождением в структуре стихотворного «воспоминания», являющегося, по сути, тематическим каркасом стихотворения, сочетающимся со связанными с ней мнемонически автобиографией, идиллическим и элегическим мотивами. Образная система по преимуществу состоит из комплекса вегетативных образов, вместе с яркими красками и стихией света несущая семантику рождения и ассоциирующиеся с ней концепты роста, увеличения. Соответствует этому представлению бурного роста (пробуждения, появления, обновления) расширяющийся хронотоп. Отдельно необходимо отметить, что звуковые повторы, рефрены и анафоры, часто используемые поэтикой жанра «о детстве героя», также совместно с другими фонометрическими единицами, вероятно, имитируют колыбельно-маятниковый (поступательно-реверсивный) ритм, напоминающий толчки ребенка в материнском лоне (?), что, однако, требует дополнительного изучения.

Итак, в распоряжении жанрового стихотворения «о детстве героя» имеется несколько показательных атрибутов, конституирующих мнемоническую структуру и соответствующее жанровой теме и статусу лирического субъекта представление о рождающемся и растущем окружающем мире, выраженное с помощью вегетативной образной системы, в целом делающих его поэтику узнаваемой.

1. Бабук А.В. Феноменология детства в поэзии английских романтиков // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2017. № 1. С. 45–50.
2. Бальмонт К.Д. Детство // «Культура.РФ». URL: <https://www.culture.ru/poems/31745/detstvo?ysclid=liohlicgзр705329265> (дата обращения: 12.05.2023).
3. Бунин И.А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1888–1952. М., 1987.
4. Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., 1979.
5. Гумилев Н.С. Соч.: в 3 т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы. М., 1991.
6. Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985.
7. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988.
8. Нарбут В.И. Стихотворения. М., 1990.
9. Никитин И.С. Стихотворения. Дневник семинариста. Воронеж, 1985.
10. Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX – начала XX века. М., 2008.
11. Розанов В.И. Семейный вопрос в России: в 2 т. СПб.; М., 1903.
12. Русская поэзия XIX века. Т. 2. // Библиотека всемирной литературы. Серия 2. Т. 106. М., 1974.
13. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
14. Филипповский Г.Ю. Две концепции детства в европейской и русской поэзии XVIII–XIX в. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3(22), С. 8–17.
15. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.